

«Жемчужное дерево»: небывалое покровительство архитектуре египетской царицы-рабыни XIII века Шаджар ад-Дурр

Oxford: Oxford University Press, 2020. — 204 p.

Д. ФЭЙРЧАЙЛД РАГГЛЗ (D. FAIRCHILD RUGGLES)

Почти любой обзор средневековой исламской истории включает фигуру Шаджар ад-Дурр (в переводе с арабского «Жемчужное дерево»), которая была одной из немногих женщин в исламской истории, носивших титул султана, и единственной, кто начинал свою жизнь как рабыня. Она также известна как ключевая фигура в египетской политике, поскольку ознаменовала собой переход от династии Айюбидов Саладина (1171–1250 гг. н. э.) к Мамлюкскому султанату (1250–1517 гг. н. э.). Однако работы, анализирующие биографию, правление и влияние Шаджар ад-Дурр, часто упускают из виду ее роль как новатора в области архитектуры. В книге «Жемчужное дерево» историк искусства Д. Фэйрчайлд Рагглз (D. Fairchild Ruggles) подчеркивает архитектурное новаторство Шаджар ад-Дурр и утверждает, что ее «покровительство архитектуре... изменило облик Каира и оказало длительное влияние на исламскую архитектуру» (р. 1). В книге основное внимание уделяется двум зданиям: мавзолею ас-Салиха, мужа Шаджар ад-Дурр, и собственному мавзолею Шаджар ад-Дурр. Рагглз утверждает, что в архитектуре

мавзолея ас-Салиха Шаджар ад-Дурр положила начало тенденции мамлюкской эпохи размещать купольные мавзолеи в городском пространстве на видном месте и пристраивать их к комплексу медресе. В собственном мавзолее Шаджар ад-Дурр впервые в Египте использовала золотую мозаику в дамасском стиле — этот прием часто приписывают более позднему мамлюкскому султану Калауну. Шаджар ад-Дурр эффектно использовала эту золотую мозаику, чтобы представить себя — жемчужное дерево — в *михрабе*, таким образом, используя такую архитектуру для «смелого представления личной идентичности» (р. 139). Рагглз щедро иллюстрирует свои доводы цветными фотографиями и другими изображениями, а конечный результат представляет собой наглядное представление о карьере Шаджар ад-Дурр и особенно о ее мастерстве владения символическим языком общественной архитектуры.

Во введении Рагглз излагает собственные мотивы, побудившие ее заняться этим проектом, и делает обзор основных первоисточников, касающихся жизни Шаджар ад-Дурр, включая труды Ибн Василя (ум. 1298), Сибт ибн аль-Джаузи (ум. 1256), аль-Макина ибн аль-Амида (ум. 1273) и Бар Хебреуса (ум. 1286). Она также представляет краткий обзор предыдущих исследований по данной теме, начиная с классического исследования Гетца Шрегле (Götz Schregle) о Шаджар ад-Дурр, исследования Р. Стивена Хамфери (R. Stephen Humphery) об айюбидской Сирии и заканчивая работами Дорис Беренс-Абусейф (Doris Behrens-Abouseif) об исламской архитектуре Каира. Глава первая использует эти первичные и вторичные источники для представления краткой биографии Шаджар ад-Дурр. Чтобы поместить ее в более широкий контекст, в главе второй обсуждается поздняя история Айюбидов, включая запутанную внутреннюю борьбу за власть, которая разрушила семью Айюбидов. В главе также дается краткий обзор двух взаимосвязанных форм рабства, практиковавшихся в позднее правление Айюбов — военного рабства и наложничества, — которые могли бы определить контуры жизни Шаджар ад-Дурр.

Третья глава является первой по-настоящему художественно-исторической главой. Она знакомит с планировкой средневекового Большого Каира, включая Фустат, фатимидскую аль-Кахиру и Цитадель. Основное внимание уделяется местоположению и архитектуре комплекса медресе Салихия, которое известно тем, что стало первым зданием в Египте, объединившим четыре суннитские правовые школы в одном помещении. Хотя медресе Салихия было построено не Шаджар ад-Дурр, а ее

мужем ас-Салихом, Шаджар ад-Дурр позже, после его смерти, пристроила к этому медресе мавзолей ас-Салиха. В данной главе также кратко, в доступной для неспециалистов форме, описываются институты *вакфа* и медресе.

В четвертой главе приводится захватывающий рассказ о драме, связанной с приходом Шаджар ад-Дурр к власти в качестве правителя, включая смерть султана ас-Салиха в разгар битвы с крестоносцами, заговор с целью скрыть его смерть и последовавшие за этим семейные распри. В этой главе подчеркивается, насколько шатким было тогда [политическое] положение Египта и насколько важна была Шаджар ад-Дурр как «связующее звено» (*human hinge*, p. 141) между Айюбидами и мамлюками. В книге также обсуждается, как Шаджар ад-Дурр осуществляла свою государственную власть в роли султана, даже несмотря на то, что ей приходилось скрывать свою фигуру за ширмой или завесой: она издавала указы, чеканила монеты, а ее имя упоминалось в пятничной *хутбе*. После описания этого исторического контекста в пятой главе основное внимание уделяется мавзолею, который Шаджар ад-Дурр пристроила к медресе ас-Салиха. Этот мавзолей был новаторским архитектурным сооружением благодаря «размещению гробницы в пределах городского пространства, ее необычайному положению, поскольку она была видна со всех сторон, и возвышению в качестве определяющего элемента более крупного мемориального комплекса... став новой парадигмой» (p. 101). То есть тот факт, что горизонт Каира изобилует высокими куполами, объясняется трендом, инициированным Шаджар ад-Дурр.

В шестой главе подробно описывается трехмесячное правление Шаджар ад-Дурр в качестве султана, ее политический брак с мамлюком Айбаком и ее последующее свержение с престола и убийство. Хотя ее султанат просуществовал недолго, Раггз напоминает нам, что Шаджар ад-Дурр была влиятельной фигурой закулисья как до, так и после своего официального правления. В данной главе основное внимание уделяется повелению Шаджар ад-Дурр построить собственный мавзолей, в особенности тому, как она использовала золотую мозаику в дамасском стиле для изображения жемчужного дерева в михрабе, «что является необычным напоминанием о ней самой в наиболее знаковом месте любого здания, где совершается молитва» (p. 139). Раггз утверждает, что сама Шаджар ад-Дурр инициировала тенденцию украшать здания в Египте золотой мозаикой, отмечая, что у нее было достаточно возможностей увидеть данный вид мозаики в таких строениях, как мечеть Омейядов в

Дамаске во время путешествия по Сирии со своим супругом ас-Салихом.

Наконец, в седьмой главе рассматривается влияние Шаджар ад-Дурр как женщины на ее архитектурные нововведения. Рагглиз предполагает, что, поскольку Шаджар ад-Дурр не разрешалось появляться на публике и от нее ожидалось проявление скромности во внешнем виде, она стала использовать символический язык общественной архитектуры, чтобы создать огромные, превосходящие ее памятники себе и своему мужу. Другими словами, ее пол был центральным элементом ее архитектурного новаторства, поскольку Шаджар ад-Дурр нашла творческие, символические способы обойти ограничения, наложенные на ее физическую личность. Книга заканчивается очаровательным приложением с рецептом пудинга под названием «Умм Али» — популярного египетского десерта, возможно, названного в честь женщины, по приказу которой была убита Шаджар ад-Дурр.

Мне было довольно приятно читать эту книгу. Ее ясная проза, четкая организация и яркие фотографии оживили историю. Специалистам будут интересны рассуждения Рагглиз о Шаджар ад-Дурр как об архитектурном новаторе, но и неспециалисты найдут книгу доступной и увлекательной. Я думаю, данная работа будет особенно полезна для студентов-бакалавров, изучающих какую-либо тему, связанную со средневековой исламской историей, включая политическую и социальную, а также историю женщин или историю рабства. Книга выступает против тех, кто хотел бы либо отвергнуть Шаджар ад-Дурр как исключение, либо превознести ее как романтическую героиню. Вместо этого Шаджар ад-Дурр очеловечивается, проводится анализ возможностей и препятствий, с которыми она столкнулась, будучи порабощенной женщиной. Студенты найдут в книге прекрасные примеры того, как проводить анализ первоисточников и историографические дебаты. Наконец, показывается, насколько важно учитывать материальные свидетельства при изучении женщин в средневековой исламской истории, поскольку материальное наследие Шаджар ад-Дурр предлагает повествование, отличное от основных исходных текстов, написанных о ней мужчинами. Как пишет Рагглиз: «В то время как письменные хроники фокусируют свое внимание на ней как на политической *аномалии*, чье автономное правление было исправлено посредством принудительного брака с командующим армией, материальные свидетельства показывают, что она была *новатором*, чье необычайное покровитель-

ство гробницам навсегда изменило коммуникативный потенциал египетской архитектуры, выразив личность покровителя в форме зданий и городского пространства» (р. 141, *выделено в оригинале*). Хотя я много раз рассказывала студентам о Шаджар ад-Дурр, до прочтения «*Жемчужного дерева*» я никогда не осознавала значимости ее покровительства архитектуре или материального наследия, которое она оставила после себя.

ЭЛИЗАБЕТ УРБАН
Доцент кафедры истории
Университет Вест-Честера
Уэст-Честер, Пенсильвания

doi: 10.35632/ajis.v39i3--4.3878